

Клингер Витольд Павлович

Сказочные мотивы в истории Геродота

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В54

В54 **Витольд Павлович К.**
Сказочные мотивы в истории Геродота / Клиnger Витольд Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 225 с.

ISBN 978-5-519-89322-0

ISBN 978-5-519-89322-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

§ 1. Исторія изученія сказки.

Насколько старой является сказка, настолько же молода исторія ея изученія. Ни отъ классической древности, ни отъ всего длиннаго періода среднихъ вѣковъ до насъ не дошелъ ни одинъ сборникъ сказокъ, да и самыя свѣдѣнія о нихъ весьма скудны. И художественная литература древнихъ народовъ, и церковная, по преимуществу, письменность средневѣковья—при всемъ ихъ коренномъ различіи—объ одинаково враждебно относятся къ богатому міру народной сказки. Первая пренебрегала этими „роздазаннями старухъ, кормилицъ, рабынь“ (Quintil I 8, 18 „fabulas anilis“; Quintil I 9, 2 „fabulas nutricularum“; Tacit. Orat. c. 29 „fabulas ancillarum“), какъ произведеніями грубаго вкуса невѣжественной толпы; вторая относилась къ нимъ съ недовѣріемъ и даже боязнью, какъ къ пережиткамъ эпохи варварства, опаснымъ отзвукамъ съ трудомъ побѣжденнаго язычества.

Лишь чисто случайнымъ образомъ—въ свитѣ, на примѣръ, гордыхъ героевъ эпоса—„profanum vulgus“ народной сказки могъ проникать въ священный храмъ литературы. Какъ около древнегреческаго Одиссея группируются сказочныя фигуры волшебницы Цирцеи, одноглазаго людоеда Полифема и блаженныхъ Феаковъ; такъ германскаго Зигфрида сопровождаютъ дѣва—богатырь Брунгильда и хранитель неисчерпаемаго клада Нибелунговъ и чудесной „Тагнкарре“, карликъ Альберихъ. Лишь животный эпосъ, безъ труда превращенный въ назидательную аллегорію, и легенда, находившая опору въ общественномъ культѣ,—и тутъ и тамъ получили

въ литературѣ полное признаніе и широкое распространеніе. Популярности Эзоповыхъ басенъ въ древнемъ мірѣ соотвѣтствуетъ въ новомъ меньшая популярность многочисленныхъ рассказовъ о животныхъ и въ особенности знаменитаго романа о Лисѣ, котораго древнѣйшая—если не считать сообщаемой Павломъ Діакономъ (782—786) и др. краткой сказки объ излѣченіи больного льва содранной съ волка шкурою,—литературная обработка, т. п. „*Escbasis captivi*“, возникла еще около 940 г. (Коршъ И. В. Л. II 677—679). — Съ другой стороны, Геродотъ съ такимъ же рвеніемъ собиралъ легенды о древнихъ святилищахъ и мѣстныхъ герояхъ, какъ какой-нибудь благочестивый монахъ среднихъ вѣковъ описывалъ видѣнія и чудеса святыхъ подвижниковъ. Этимъ однако указанная аналогія и ограничивается. Античный міръ сошелъ съ арены, не отказавшись отъ своихъ предубѣжденій противъ сказки; наоборотъ въ христіанскомъ—предубѣжденія эти уступали постепенно мѣсто новому, болѣе толерантному къ ней отношенію. Эпохальное значеніе крестовыхъ походовъ въ жизни новыхъ народовъ всѣмъ извѣстно. Имѣли ли они непосредственное вліяніе на измѣненіе отношенія средневѣкового общества къ произведеніямъ народной словесности, какъ это пытается доказать Эрдманисдѣрферъ („*Das Zeitalter der Novelle in Hellas*“ Berlin 1870 s. 7—10),—вопросъ еще спорный; во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ остается фактъ, что въ богатой литературѣ этого періода—быть можетъ именно, вслѣдствіе ея богатства—слѣдовъ народнаго творчества весьма много. Въ прихотливую ткань рыцарскихъ романовъ нерѣдко вплетаются сказочныя черты. „Въ одномъ изъ нихъ чудище, поцѣловавъ рыцаря, превращается въ чудную красавицу; два героя другого романа разлѣзжаются въ разныя стороны при преслѣдованіи врага, „при чемъ каждая изъ двухъ дорогъ сулитъ рыцарю опасности, „въ третьемъ читаемъ объ освобожденіи замка одной дамы отъ дракона“ (Дашкевичъ, Романтика круглаго стола въ жизни и литературахъ Запада I. Кіевъ, 1890 стр. 32). Вмѣстѣ съ оживленіемъ торговыхъ связей съ Востокомъ проникаютъ на Западъ восточныя новеллическіе сборники. Къ охристіанизованному еще раньше (VI—VII ст.) подъ именемъ „романа о Варлаамѣ и Іосифѣ“ индійскому сказанію о Буддѣ присоединяются теперь „Семь мудрецовъ“, или „*Dolopathos*“ (около 1250),—„Калила и Димна“, или „Синдибадъ“ (*Directorium vitae humanae*“ 1263—78) и др., развивая вкусъ къ по-

добнымъ произведеніямъ и вызывая къ соревнованію на томъ же поприщѣ.

Въ Испаніи Донъ Хуанъ Мануэль (1273—1348) пишетъ своего „Conde Lucanor“,—сочиненіе, которое какъ по содержанію, такъ и по формѣ, массу мелкихъ рассказовъ укладываетъ въ извѣстныя правильныя рамки, во многомъ заимствовано у восточныхъ образцовъ. Вскорѣ—по всей вѣроятности въ Англіи—являются и знаменитыя „Gesta Romanorum“,—сборникъ, популярность котораго далеко перешла границы романо-германскаго міра,—гдѣ традиціонныя аллегорическія „морализаціи“ такъ странно сочетаются съ совершенно свѣтскимъ, подчасъ скабрёзнымъ содержаніемъ, и гдѣ кромѣ *новеллистическихъ* встрѣчается уже цѣлый рядъ *сказочныхъ* сюжетовъ (Grimm III изд. 1856, стр. 294—99).

Если по изслѣдованіямъ Bédier (Les fabliaux) иные изъ французскихъ смѣхотворныхъ рассказовъ возникли еще до начала крестовыхъ походовъ, то главная ихъ масса относится къ этому именно времени. Этимъ стихотворнымъ fabliaux по духу и тону рассказа соотвѣтствуютъ итальянскія прозаическія новеллы.

Уже въ началѣ XIII в. въ Италіи, которая стала во главѣ новаго литературнаго движенія, возникаетъ компилятивный сборникъ Il novellino или Cento novelle antiche, и скорѣ достигая новелла художественнаго совершенства въ „Декамеронѣ“ Джіованни Боккачіо (1348—1358). Этотъ рядъ повѣствовательной литературы занесенъ былъ и въ Англію, гдѣ блестящимъ его представителемъ явился Чоусеръ въ своихъ „Кентерберійскихъ повѣстяхъ“ (1400). Пользуясь тѣми мотивами, которые подсказывались современною жизни, писатели эти, съ другой стороны, полной рукой черпали изъ народнаго преданія. Такъ, иные изъ новеллъ Боккачіо могутъ быть сведены къ новеллистическимъ народнымъ сюжетамъ, до сихъ поръ живущимъ въ устномъ преданіи: таковы напримѣръ X. 10, соотвѣтствующая № 193 сборника Аванасьева и II. 9, соотвѣтствующая № 194 того же сборника;—иныя же содержатъ отдѣльныя сказочныя черты: такъ, въ проповѣди отца Чиполлы (VII. 10) находимъ извѣстную сказку о „Schlaraffenland“, въ описаніи же одной мистификаціи, жертвой которой становится Каландрино, входитъ тоже „Schlaraffenland“ и камень, дѣлающій невидимымъ. Уже одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Боккачіо—Ser Giovanni, съ 1378 года начавшій свой сборникъ Il Pecorone, даетъ въ немъ также

мѣсто сказочнымъ сюжетамъ (см. IX, 1=Рампсинитъ и X, 1=Grimm № 96) на ряду съ новеллистическими. Многочисленные новеллисты XV и начала XVIст.—Sacchetti, Massuccio, Sabadini, Giovanni Cinthio—повидимому исчерпали собственно новеллистическіе сюжеты, и „Pia-sevoli notti“ Страппаролы, напечатанныя 1550 г., состоятъ уже въ значительной части изъ сказокъ (21 сказка на общее число рассказовъ 74), а Пентамеронъ Giambattista Basile, явившійся 1637 г.,—почти исключительно изъ нихъ. Къ сожалѣнію, сборникъ Basile долго оставался въ своемъ родѣ единственнымъ. Интересъ читающей публики направился въ иную сторону. Завершившая характеризованный выше періодъ блестящая, бурная эпоха Возрожденія, которая, казалось, должна была порвать всякія узы, стѣсняющія свободное развитіе человѣка, привела къ совершенно неожиданному результату: воздвигнувъ на мѣсто поколебленнаго авторитета церкви авторитетъ классической древности, она лишь смѣнила одну зависимость другой. Восторженный культъ классической стройности и строгой выдержанности формъ не могъ, конечно, мириться со вкусомъ къ сказкѣ съ ея расплывчатымъ, неуклюжимъ строеніемъ. Воскрешено было прежнее пренебрежительное къ ней отношеніе, и на нее, какъ, вообще, на всѣ произведенія народнаго творчества, не вдохновенныя высокими образцами античной музы, стали смотрѣть свысока, какъ на творенія грубыя, недостойныя серьезнаго вниманія. Такъ по крайней мѣрѣ обстояло дѣло въ Италіи и Франціи. Не лучше было и въ Германіи, гдѣ среди тревоженій и опустошеній религіозныхъ войнъ скоро затерялся тотъ подъемъ народнаго самосознанія, который вызванъ былъ реформаціей. Лишь въ Испаніи и Англіи, гдѣ вліяніе эстетическихъ теорій позднѣйшаго Возрожденія ощущалось не такъ сильно, продолжали поэты обрабатывать въ своихъ твореніяхъ народные сюжеты сказочнаго или новеллистическаго характера (Кальдеронъ, Шекспиръ). Къ концу, однако, XVIII вѣка даже во Франціи,—этои классической странѣ неоклассицизма, является 2 сказочныхъ сборника—Pergault (1697) и гр. d'Aulnoy. Разумѣется, сказки эти были приспособлены къ бароковому вкусу тогдашней французской публики. Онѣ были украшены дешевыми классическими реминисценціями, имъ былъ сообщенъ дворскій галантный тонъ и навязана чуждая имъ первоначально мораль. Въ такомъ видѣ сказки подъ именемъ „Contes des fées“ вошли даже въ моду и сдѣлались любимымъ чтеніемъ въ высшихъ

кругахъ общества; пробудившемуся на нихъ спросу удовлетворяли сборники подражательницъ гр. D'Aulnoy—гр. Murat и г-жи De la Forge. Хотя настоящей, подлинной, народной сказки, свободной отъ прикрасъ и искаженій, надо было еще ждать долго, все же нѣтъ недостатка въ фактахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что вѣра въ классическіе идеалы постепенно падала, и параллельно съ этимъ усиливался интересъ къ народному творчеству. Изданный въ 1765 шотландскимъ епископомъ Томасомъ Перси сборникъ староанглійскихъ и шотландскихъ балладъ („The reliques of ancient English poetry“) получаетъ громкую популярность, а появившіяся немного спустя „Пѣсни Оссіана“ Макферсона не только въ Англіи, но и во всей Европѣ вызываютъ бурю восторговъ (См. Herder. Ueber Ossian und die Lieder alter Völker 1773). Естественно поэтому, что при такой подготовкѣ горячіе призывы Гердера къ изученію народной поэзіи (во введеніи, напримѣръ, ко 2-му изд. „Volkslieder“ 1779) не могли пройти безслѣдно,—что они вездѣ, а прежде всего въ Германіи, должны были встрѣтить сочувственный откликъ. Величественное движеніе романтизма, съ его протестомъ противъ искусственности, разсудочности и аристократизма тогдашней литературы, съ его требованіями простоты, чувства и народности, разомъ снесло прежнее предубѣжденіе. Поняли, наконецъ, ту элементарную истину, что если литература не должна быть достояніемъ ограниченаго круга эстетическихъ гастрономовъ, а должна являться носителемъ и выразительницей стремленій всего народа, она должна заговорить на понятномъ ему языкѣ, усвоить его поэтическіе приемы, примѣниться къ его углу зрѣнія, вообще—проникнуть въ тайну народной души, которая такъ полно и всесторонне отразилась въ устномъ народномъ творествѣ. Изученіе народной словесности стало насущной потребностью времени. Уже не только народная пѣсня, которой такъ восторгался Гердеръ, но и народная сказка обратила на себя вниманіе литературнаго міра. Въ 1812 г. появились „Kinder—und Hausmärchen“ Гриммовъ, которыя, открывъ удивленному взору читателей неожиданное богатство народнаго воображенія, пріохотили многихъ къ поискамъ на томъ же поприщѣ. Примѣръ Гриммовъ нашелъ подражателей не въ одной только Германіи, — укажемъ хотя бы на знаменитаго Вука Караджича — и являющіеся на разныхъ языкахъ сборники народныхъ сказокъ составили матеріалъ для будущаго сравнительнаго ихъ изученія.

Мало-по-малу чисто художественный интересъ къ сказкѣ, какой преобладалъ въ началѣ, уступилъ мѣсто научному, а болѣе вдумчивое къ ней отношеніе и расширеніе области изслѣдованія поставило на очереди рядъ вопросовъ, настойчиво требующихъ разрѣшенія.

Самаго бѣглаго взгляда на собранный матеріалъ вполне достаточно для того, чтобъ подъ тонкой корой мѣстныхъ наслоеній, которыми обрастаетъ сказка въ устахъ каждаго народа, открыть поразительное родство, если не полное тождество, внутренняго ихъ строенія. Оказывается, что и сумрачный, вялый исландецъ, и пылкій сицилиецъ, и культурный нѣмецъ, и дикій кочевникъ монголъ, — вообще народы, стоящіе повидному внѣ всякихъ связей другъ съ другомъ, въ сущности лишь варьируютъ, каждый по своему, опредѣленное число постоянныхъ мотивовъ. Нельзя такимъ образомъ, и спрашивать, откуда взялись романскія, славянскія, германскія и др. сказки; можно лишь говорить вообще о происхожденіи всѣхъ имѣющихся у насъ сказокъ, равно древнихъ и новыхъ, европейскихъ и азіатскихъ. Гриммы, начинатели въ дѣлѣ собиранія сказокъ, первые также, во всеоружіи своихъ многообъемлющихъ познаній, попытались отвѣтить на этотъ важный вопросъ. Вильгельмъ Гриммъ (въ пред. къ шестому изд. нѣм. сказ. 1850) характеризуетъ вышеуказанное сходство индо-европейскихъ сказокъ, какъ выражающееся „отчасти въ заложенной въ ихъ основаніи идеѣ и въ представленіи опредѣленныхъ характеровъ, отчасти же въ особенномъ сплетеніи и развязкѣ происшествій“. Онъ признаетъ, что „есть положенія, которыя такъ просты и естественны, что они вездѣ повторяются, подобно тому какъ есть мысли, которыя самостоятельно возникаютъ; могли поэтому въ самыхъ различныхъ странахъ однѣ и тѣ же или очень похожія сказки возникнуть независимо другъ отъ друга“... „встрѣчаются такія сказки, въ которыхъ сходство можно разсматривать какъ простую случайность, но въ большинствѣ случаевъ общая основная мысль, благодаря своеобразному, часто неожиданному и даже прихотливому проведенію, принимаетъ такой видъ, который исключаетъ предположеніе одного лишь кажущагося родства“... „Я не отрицаю возможности, ни даже въ отдѣльных случаяхъ правдоподобія перехода сказки отъ одного народа къ другому... но отдѣльными исключеніями не объясняется большой объемъ и широкое распространеніе общаго достоянія: а развѣ не яв-

ляются однѣ и тѣ же сказки въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, подобно тому какъ тотъ же источникъ прорывается въ разныхъ мѣстахъ?“ Такимъ образомъ, не отрицая возможности ни самостоятельнаго развитія однихъ и тѣхъ же мотивовъ у разныхъ народовъ, ни перехода отдѣльныхъ сюжетовъ отъ одного народа къ другому, онъ считаетъ эти толкованія недостаточными для объясненія указаннаго родства во всемъ его объемѣ: первое не объясняетъ характера сходства (детальности послѣдняго), второе—характера распространенія (прерывистости его). Признавая за указанными факторами лишь побочное, второстепенное значеніе, главное приписываетъ онъ остаткамъ древнихъ мнѣическихъ представленій, которыя, вынесенныя индоевропейскими народами съ ихъ общей родины, были потомъ переработаны примѣнительно къ новымъ условіямъ жизни. „Общи всѣмъ сказкамъ“, говоритъ В. Гриммъ, „остатки въ глубокую древность простирающагося вѣрованія, которое выражается въ образномъ представленіи сверхчувственныхъ вещей. Мнѣическое—подобно мелкимъ частицамъ раздробленнаго драгоценнаго камня, которыя разбросаны по поросшей травой и цвѣтами почвѣ, и открывается лишь проникательному взору. Значеніе его давно утеряно, но оно все еще чувствуется и даетъ сказкѣ ея содержаніе, удовлетворяя въ то же время естественной склонности къ чудесному. Никогда сказки не являются лишь блестящей игрой празднаго воображенія. Мнѣическое расширяется по мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ въ прошлое и, кажется, составляло единственное содержаніе древнѣйшей поэзіи“. Въ томъ же духѣ, но еще рѣшительнѣе и одностороннѣе высказывается Яковъ Гриммъ (предисл. къ нѣм. пер. сербс. сказ. Караджича стр. VI): „благодаря многочисленнымъ сборникамъ, составленнымъ не только въ самой Германіи, но и въ Норвегіи, Швеціи, Валахіи, въ послѣднее время даже Албаніи, Литвѣ и Финляндіи, устранено заблужденіе, будто основаны эти мотивы на глупомъ, недостойномъ изученіи измышленіи: они скорѣе должны быть рассматриваемы какъ осадокъ исконныхъ, хотя и искаженныхъ и искрошенныхъ мнѣовъ, которые, переходя отъ народа къ народу и приспособляясь къ каждому, могутъ пролить яркій свѣтъ на родство безчисленныхъ сказаній и мотивовъ, составляющихъ общее достояніе не только народовъ Европы между собой, но и Европы и Азіи вообще“.

Въ введеніи къ Либрехтову переводу *Pentamerone* онъ, отстаивая научное значеніе сказки, говоритъ: „онѣ (сказки), какъ все болѣе и болѣе ясно обнаруживается,—достойные удивленія, послѣдніе отзвуки старыхъ мифовъ, которые пустили корни по всей Европѣ... Оставимъ заблужденіе, что онѣ выросли въ одномъ какомъ либо счастливомъ мѣстѣ и отсюда только распространились по путямъ и тропинкамъ, которые внѣшнимъ образомъ могутъ быть указаны. Какъ между языками всѣхъ европейскихъ народовъ повсюду существуетъ большая или меньшая близость, такъ точно одинъ общій основной топъ слышится во всѣхъ этихъ эпическихъ и мифическихъ элементахъ, которые, всетаки, у каждаго народа являются въ свойственной ему особенностяхъ“. Такимъ образомъ, Я. Гриммъ, въ противоположность брату, ни словомъ не обмолвливается о возможности самостоятельнаго возникновенія иныхъ сказокъ въ разныхъ мѣстахъ и считаетъ мечтой мысль о распространеніи ихъ изъ одного центра, но вмѣстѣ съ Вильгельмомъ источникъ ихъ видитъ въ первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ индо-европейскихъ народовъ. Вопросъ, какимъ образомъ величественныя фигуры языческаго пантеона превратились въ причудливыя, часто гротескныя персоналы сказки, они рѣшали привлеченіемъ на помощь христіанства. Христіанство, по ихъ мнѣнію, расторгло связь настоящаго съ прошедшимъ: лишивъ древнихъ боговъ опоры въ общественномъ культѣ, равно какъ сочувствія высшихъ образованныхъ классовъ, оно обрекло ихъ на скромное существованіе въ устахъ простонародія, гдѣ священный ихъ характеръ былъ утраченъ и первоначальный смыслъ постепенно забытъ.

Теорія Гриммовъ была вскорѣ поддержана основателями сравнительной мифологіи и языковѣдѣ, Максомъ Мюллеромъ и Адальбертомъ Куномъ. Мы не будемъ вдаваться въ детальное разсмотрѣніе ихъ остроумной теоріи возникновенія мифовъ, по которой въ далекій, такъ называемый „мифосозидающій“ періодъ, вслѣдствіе своеобразной особенности („болѣзни“, какъ выражается Максъ Мюллеръ) первобытнаго языка, простыя утвержденія о явленіяхъ природы превращаются въ образныя мифы, которые съ теченіемъ времени вполне отдѣляются отъ своего субстрата. Для нашей цѣли достаточно указать на то, что ученые эти видѣли въ современной сказкѣ далекій отголосокъ общеарійскихъ мифовъ. „Мы не только находимъ тѣ же слова и термины въ санскритскомъ и готскомъ язы-

кахъ“ говорить М. Мюллеръ (*Essays sur la mythologie comparée trad. par Perrot p. 272; ср. Bédier Les fabliaux—p. 29*)... не только отвлеченный терминъ, выражающій идею божества, одинаковъ для Индіи, Греціи и Италіи, но даже сама сказка составляла часть общаго наслѣдія индо-европейской расы, и возникновеніе ея слѣдуетъ отнести къ той отдаленной эпохѣ, когда ни одинъ грекъ не ступилъ еще на почву Европы, ни одинъ индусъ не купался въ священныхъ водахъ Ганга“. Не смотря на столь блестящихъ представителей аріійская теорія не удержалась во всемъ ея объемѣ. Внутренніе споры ученыхъ этой школы изъ-за того, какой родъ явленій природы считать основнымъ для возникновенія мифовъ, отсутствіе разъясненій по вопросу, почему одинъ лишь родъ феноменовъ интересовалъ первобытнаго человѣка, наконецъ, доказанная ложность ихъ исходнаго положенія о доисторической древности Ведъ, сильно подкопали престижъ этой теоріи. Примѣнительно къ сказкѣ она сильно дискредитирована была излишнимъ рвеніемъ иныхъ изъ ея послѣдователей (въ родѣ Simrock'a и I. W. Wolf'a и до нѣкоторой степени v. Hahn'a), которые въ каждой сказочной личности видѣли древняго языческаго бога, въ каждой детали доискивались глубокаго внутренняго смысла.

Неудачу аріійской теоріи умѣла обратить въ свою пользу т. н. антропологическая школа; основателемъ ея является Е. Tylor въ своихъ „Исслѣдованіяхъ о первобытной исторіи человѣчества“ (*Researches into the early history of mankind 1865; ср. Bédier o. c., pages 31—35*) и „Первобытной культурѣ“ 1871; послѣдователями же ея являются въ Англіи Andrew Lang, въ Германіи Mannhardt, во Франціи Gaidoz, издатель „Мелузины“. Подобно представителямъ аріійской теоріи, и Tylor въ мифахъ видитъ источникъ всего „ирраціональнаго“, не пріемлемаго для ума элемента сказокъ. „Мифосозидающій“ періодъ нечего относить къ эпохѣ праэтническаго единства аріійской расы,—онъ держался значительно дольше, а отчасти держится и теперь. Не своеобразной „болѣзнью языка“, рѣчи слѣдуетъ объяснять возникновеніе мифовъ, а скорѣе болѣзнью мысли, недоразвитостью умственныхъ способностей, которой подвержены всѣ народы, не вышедшіе еще изъ эпохи первобытнаго варварства, — словомъ всѣ дикари. „Ирраціональный элементъ мифовъ“—говоритъ А. Lang (*Mythes, Cultes et Religion, trad. par L. Marillier p. 33*)—„слѣдуетъ объяснять чаще всего, какъ пережитокъ (*survivance*):

періодъ того состоянія человѣческаго ума, отъ котораго дошелъ до насъ этотъ нелѣпный элементъ,—есть тотъ періодъ, когда не было еще самыхъ элементарныхъ идей о границахъ возможности, когда все еще было понимаемо совершенно иначе, чѣмъ теперь, и періодъ этотъ—дикость“. Такимъ образомъ, не въ сравнительномъ изученіи древнихъ міеологій слѣдуетъ искать ключа къ уразумѣнію внутренняго смысла сказокъ, а въ разборъ того матеріала, который собираетъ современная антропологія.—Нетрудно видѣть, что гипотеза эта можетъ, конечно, оказать важныя услуги для объясненія въ сказкахъ различныхъ наслоеній, но совершенно несостоятельна для объясненія глубокаго ихъ родства и должна прибѣгать къ пресловутой гипотезѣ исконнаго тождества человѣческаго духа, который при тождественныхъ условіяхъ рождаетъ тождественное.

При многочисленныхъ своихъ нескладностяхъ и недостаткахъ ни аріійская, ни антропологическая теорія не могла восторжествовать надъ новою т. н. индійскою теоріей, которая, по началамъ своимъ довольно ранняя, росла и развивалась одновременно съ ними. Заклейменная именемъ „Wahn“ (Grimm) мысль о распространеніи всѣхъ сказокъ изъ одного культурнаго центра не умерла: она была поддерживаема цѣлымъ рядомъ ученыхъ (Loiseleur—Deslongchamps, Robert, Brockhaus и др.), пока, наконецъ, однимъ изъ нихъ не была положена на широкое индуктивное основаніе и возведена на степень стройной научной теоріи. Въ 1859 г. геттинггенскій ориенталистъ Теодоръ Бенфей во введеніи къ своему капитальному переводу Панчатантры всѣ сказочныя сюжеты призналъ индійскими по происхожденію. Приводимъ собственныя его слова: „Новеллы... и въ особенности сказки оказываются изначала индійскими... До X стол. ихъ сравнительно немного перешло на Западъ, и, кажется, путемъ лишь устной передачи, каковая могла имѣть мѣсто при встрѣчахъ купцовъ, путешественниковъ и т. п. Съ X столѣтія—вслѣдствіе непрерывныхъ вторженій и завоеваній магометанскихъ народовъ въ Индію началось все болѣе и болѣе усиливающееся знакомство съ послѣдней. Съ этого времени устная передача уступаетъ мѣсто литературной. Индійскія повѣствовательныя произведенія были тогда переведены на персидскій и арабскій языки, и отчасти они сами, отчасти ихъ содержаніе распространилось сравнительно быстро по мусульманскимъ государствамъ Азіи, Африки и